

6. Освободи свой разум, и задница последует за ним¹

(март 1989 года)

Чем отличается по-настоящему сыгранная группа? Музыканты, в итоге, на самом деле играют вместе, знают, кто на что способен, и не мешают друг другу. Ни в музыке, ни на сцене. Они – идеальная команда, где каждый точно знает, что делать. Где-то в середине марта Funky Leninz стали производить на меня именно такое впечатление.

В воздухе уже потихоньку пахло весной, и вместе с ней распустила свои первые бутоны по-настоящему профессиональная группа. Мы уже почти месяц всю репетировали. День за днем. Дворжак² с Герендашем³ и Словачеком⁴ отменили остальные дела и добросовестно вкалывали на репетициях по многу часов вместе с остальными.

У новичков тренировка тоже дала результаты. Паненка⁵ с каждой песней играл на гитаре все лучше, Лайош,⁶ сидя на стуле барабанщика, учился справляться с излишним желанием показать себя, духовые тоже меня приятно удивили. Герендаш дул что есть мочи, и Словачек тоже играл прилично, хотя по нему и было видно, что он всего лишь исполняет свою работу. В конечном счете, в этом не было ничего плохого; большего я от него и не требовал.

А Штроугал?⁷ Он буквально излучал энергию. От былой презрительности не осталось и следа, он стал настоящим лидером и идейным вдохновителем группы. Он был организатором, хвалил, критиковал и регулярно приносил мне в кабинет задумки для песен. Оказалось, что вечерами он слушает фанк на пластинках, взятых в

---

¹ Название альбома и одной из песен группы Funkadelic (1970), в оригинале – Free Your Mind... and Your Ass Will Follow.

² Йозеф Дворжак (род. 1942) – чешский комический актер театра и кино, основатель Театральной труппы Йозефа Дворжака (1990). В 1970–80-х годах участвовал в создании многочисленных киносказок, мультфильмов и передач для детей. Озвучивал максипса Фика, Боба и Бобека («Боб и Бобек, кролики из шляпы»). В 1979–81 годах под псевдонимом «Комик» сотрудничал с органами Госбезопасности. В романе – бас-гитарист группы Funky Leninz.

³ Ладислав Герендаш (род. 1946) – чешский джазовый трубач, актер театра и кино, музыкант. В начале 1970-х годов был участником группы Vanjo Band Ивана Мladeка, прославившейся позднее песней Jožin z bažin.

⁴ Феликс Словачек (род. 1943) – чешский кларнетист, саксофонист, композитор, дирижер и руководитель джазового ансамбля Big Band Felixe Slováčka. В 1969–86 годах был солистом Оркестра Ладислава Штайдла, сопровождавшего выступления Карела Готта, короля поп-музыки Чехословакии.

⁵ Антонин Паненка (род. 1948) – чехословацкий футболист, полузащитник, выступавший за команды «Богемиянц 1905» (Прага) и «Рapid» (Вена). Известен как автор так называемого «удара Паненки», при котором футболист, исполняя пенальти, направляет мяч не в угол, а в центр ворот, обманывая ожидания вратаря. В романе – также гитарист вымышленной группы Funky Leninz.

⁶ Лайош – по-видимому, единственный член группы Funky Leninz, который не имеет исторического прототипа.

⁷ Любомир Штроугал (род. 1924) – министр внутренних дел Чехословакии (1961–65), позднее – председатель Правительства Чехословакии (1970–88). Поддержал политику «перестройки» в СССР, и в 1988 году в результате внутрипартийного конфликта был вынужден подать в отставку. В романе – солист группы Funky Leninz.

библиотеке Института исследования буржуазного мышления,⁸ и тщательно выбирает то, что можно было бы включить в наш репертуар.⁹

Если на регулярных собраниях мы принимали его предложения, он всегда тут же писал отличные тексты, абсолютно точные ритмически и идеологически. Только на репетиции он ходил нерегулярно: иногда его по три дня не было видно, а потом он вдруг появлялся, не считая нужным что-либо объяснять.

Мне приходилось с этим мириться, он и группа были словно изолированные системы. Каждый день раз за разом пережевывать одну и ту же песню? Это было просто не в его духе. Ему достаточно было один раз услышать разученную композицию, и он попадал в нее идеально и не видел смысла ее повторять. По крайней мере, для стен репзала.

С каждой удачной репетицией во мне росло убеждение, что Funky Leninz уже созрели и готовы показать свое искусство публике. Пока я никому об этом не говорил, но потихоньку начал готовить наше первое выступление. Было понятно, что мы не можем сразу выступать, как главные звезды: на незнакомую группу, само собой, никто не пойдет.

Моей задачей было найти ансамбль, у которого мы могли бы выступить на разогреве и при этом не слишком бы опозорились. Но прежде всего я выбрал клуб, не очень большой, скорее на окраине города. Наиболее подходящим мне как раз показался Клуб баррикадников в районе Страшнице.¹⁰

Это место было прямо-таки озаменовано социалистической традицией работы с молодежью. В то время там чаще всего играли металлисты и панки, обычно под прикрытием какой-нибудь периферийной комсомольской ячейки, и там же образовалась их постоянная фанбаза. Кроме того, это был маленький клуб, из которого можно было довольно быстро дать деру, если придется. Да, признаю: об этом я тоже думал.

С секретарем отдела культуры Клуба баррикадников я был хорошо знаком – мы виделись на политподготовке и на собраниях профсоюзов, так что он рад был помочь мне по старой дружбе. Само собой, я не стал ему выкладывать монументальный план

---

⁸ Вымышленная организация, придуманная автором по аналогии с реально существующим Институтом изучения тоталитарных режимов, который был открыт в 2007 году в Праге.

⁹ В социалистической Чехословакии, как и в Советском Союзе, музыканты нередко брали уже существующие песни западных исполнителей и писали на эту музыку тексты на родном языке. При этом старались, чтобы повторяющаяся фраза припева по-чешски своим звучанием напоминала оригинал. Один из наиболее известных примеров – песня Павела Новака *Tón vět mi lál* (1970), ремейк песни *Don't Let Me Down* группы The Beatles.

¹⁰ Дом культуры баррикадников – легендарный дом культуры в пражском районе Страшнице, основанный в 1945–46 годах участниками Пражского восстания 1945 года. В 1980-х годах здесь часто выступали с концертами неофициальные музыкальные коллективы.

Гусака,¹¹ в цензурной версии все было гораздо проще: у меня была начинающая рок-группка, и я хотел дать ей шанс.

Он подсказал мне, что на разогреве лучше всего выступить у группы «Танго»,¹² которая играет в Барсике каждый третий четверг месяца, и я согласился, потому как бывал на их сейшнах в кобылисском ДК.¹³

Если вы их еще помните, то наверняка согласитесь с тем, что выбор я сделал правильный. Во второй половине восьмидесятых у них была парочка хитов, которые крутили по радио, скажем, «Как быть со стеклом»,¹⁴ но с тех пор, как Ота Балаж ушел в «Новую Розу»,¹⁵ дела у них шли из рук вон плохо.

Их последний альбом «Жуть, гоп-ля», вышедший год назад под лейблом Supraphon,¹⁶ получил несколько недоуменные рецензии, а на «Братиславской лире 1987»,¹⁷ где они опозорились со своим неудачным кавером одной из песен Аллы Пугачевой, их карьера окончательно пошла под откос.

С той поры они начали массово терять своих фанатов, для которых новая волна стала старой песней. Еще два года назад они от такого маленького клуба, как Баррикадники, наверняка воротили бы нос, но в марте 1989 были и ему рады.

Я позвонил их менеджеру – ему было абсолютно все равно, кто перед ними будет играть, и наше название он, скорее всего, забыл через секунду после того, как услышал его в трубке. Он даже немного удивился, почему мы выбрали именно их. Он, видимо, и сам уже чувствовал, что «Танго» мировая слава не светит, и группа скоро развалится – так и случилось через пару месяцев.

Тем не менее, предложение он принял: ему, скорее всего, казалось, что если у «Танго» на разогреве выступит какая-нибудь захудалая любительская группа, у них еще будет какой-то шанс показать, на что они способны. Очень скоро ему пришлось убедиться, что это была роковая ошибка.

Только когда я обо всем договорился, я сообщил группе место и дату премьерного концерта. У нас еще было в запасе десять дней, и мы задалась задачей выучить за это время еще три новые песни, чтобы всего их было шесть, как раз на двадцать минут. Не ахти сколько, но на разогреве группам не особо давали

---

¹¹ Густав Гусак (1913–1991) – последний президент социалистической Чехословакии, лидер Коммунистической партии Чехословакии. В романе именно Гусаку принадлежит идея создания фанк-группы с целью вернуть в общество революционные настроения и вдохновить людей на дальнейшее строительство коммунизма.

¹² «Танго» (чеш. Tango) – чешская музыкальная группа, основанная в 1983 году, в творчестве которой совместились черты поп-, рок-музыки и музыки новой волны. Группа, в которую входили Мирослав Имрих, Франтишек Котва, Ота Балаж и др., достигла пика популярности в середине 1980-х годов, в 1988 году распалась.

¹³ Имеется в виду Дом культуры Ладви в пражском районе Кобылисы.

¹⁴ Песня «Как быть со стеклом» (чеш. Co s tím sklem) и альбом «Жуть, гоп-ля» (чеш. Můra, hop) действительно принадлежат репертуару группы «Танго».

¹⁵ «Новая роза» (чеш. Nová růže) – чешская рок-группа, основанная Вилемом Чоком и Отой Балажом в 1988 году.

¹⁶ Supraphon и Panton (см. далее) – чешские музыкальные издательства и лейблы звукозаписи.

¹⁷ «Братиславская лира» – крупнейший ежегодный фестиваль эстрадных песен в Чехословакии.

развернуться.

Наше имя даже не будет фигурировать на плакатах: афиши на месяц уже висели, а на тех, что были у «Танго», для разогрева все равно не оставалось места. Оглядываясь назад, можно подумать, будто мы из осторожности готовили себе путь к отступлению на случай неуспеха, да так оно, наверное, и было. Я по своему опыту знал десятки групп, которым после первого концерта хлеб музыканта показался таким горьким, что это был в то же время их последний концерт. Мы все немного сомневались в себе.

Конечно, сразу же возник вопрос, как публика отреагирует, увидев столько известных личностей на сцене. Мое решение было простым: «Вы замаскируетесь!» У меня уже были наготове кое-какие задумки, но музыканты, увлеченные моей идеей, сами начали что-то предлагать.

Дворжак пообещал, что договорится о посещении хранилища киностудии Баррандов,¹⁸ и, действительно, пару дней спустя мы ходили между стойками и пересматривали всевозможные костюмы из известных кинолент. Паненку заинтересовал костюм космонавта из научно-фантастического фильма «Икар ХВ-1»,¹⁹ очевидно, из-за шлема, который хорошо скрывал его огромные усы. Лайошу скрываться было ни к чему, но ему приглянулся костюм индейца с огромной повязкой, украшенной перьями, в то время как Герендаш и Словачек обошлись обыкновенными масками-домино.

Меньше всего сложностей с выбором маскировки было у Дворжака: за эти годы он имел дело со всяческим реквизитом. В итоге он переоделся в костюм клоуна, в котором незадолго до этого появился в одной киносказке. И, наоборот, труднее всего оказалось замаскировать Штроугала. Он примерял один костюм за другим, провел в хранилище реквизита почти три часа, но не нашел ничего подходящего.

Когда уже, казалось, была потеряна всякая надежда, он наткнулся на советский офицерский мундир времен Второй мировой войны. Мы все понимали, что на него, скорее всего, нашла ностальгия, но когда он надел тяжелую каску, спадающую на лоб, а на глаза нацепил свои черные очки, стало ясно, что поиск костюмов окончен.

В день концерта я отменил утреннюю репетицию и сказал своим ударникам прийти в пять. Я хотел собрать их как можно раньше, чтобы мы могли еще раз пройтись по всем песням и потом вместе отправиться в Страшнице.

Первым пришел Лайош, уже в половине пятого. Он удивился, что еще никого нет. Когда я ему ответил, что еще слишком рано, он сел за установку и начал

---

¹⁸ Баррандов – чешская киностудия, основанная в 1921 году и существующая до сих пор.

¹⁹ «Икар ХВ-1» (Ikárie XB-1) – научно-фантастический фильм Йиндржиха Полака, снятый в 1963 году по роману Станислава Лема «Магелланово облако».

упражняться в новых переходах, которые пришли ему в голову за день.

Около пяти подтянулись и остальные. Словачек с Герендашем, а потом и Паненка. У Дворжака в Национальном театре был дневной показ «Проданной невесты», и он появился вместе со Штроугалом, который, опоздав всего на полчаса, превзошел самого себя.

Когда я увидел их всех вместе, стало заметно, что они порядком нервничают. Это все были мужчины, привыкшие к строгим взглядам публики, полным стадионам, залам заседаний и театральным залам, но на этот раз перед ними был противник немного другого рода. Бесформенная масса музыкальных фанатов, чьи симпатии очень трудно предсказать.

Я хотел разрядить эту неприятную напряженную обстановку, но прежде чем я решился, слово взял Штроугал. Он, как обычно, говорил очень сухо, но по сути:

– Товарищи... Я вижу, как вы нервничаете и как боитесь впервые предстать перед публикой. Я хорошо вас понимаю, но вам следует помнить, что это наша проверка на прочность, первая из многих. Давайте будем благодарны за этот вызов и за страх, который он порождает. Потому что только тогда, когда мы сталкиваемся с тем, чего боимся, только тогда мы по-настоящему чувствуем себя живыми. За победу мирового фанка!

Funky Leninz было нужно услышать подобные слова. Они вдруг снова стали гореть решимостью, а когда они отыграли свой репертуар в последний раз, всю нервозность как рукой сняло. Паненка даже робко попытался вывести небольшое соло перед последним припевом в песне «Мне все нипочем», а остальная группа ему за это похлопала.

В хорошем настроении, примерно в половине седьмого мы отправились на трамвае в клуб. Каждый нес свои костюмы в пакете, а их лица были пока скрыты под кепками с большим козырьком, специально купленными мною.

Когда мы добрались до Клуба баррикадников, секретарь пустил нас внутрь. Он провел абсолютно равнодушным взглядом по склоненным головам моих музыкантов и больше уже не проявлял к нам ни малейшего интереса. Нам пообещали, что мы можем воспользоваться инструментами главных звезд вечера, и музыканты, конечно, сразу же начали их искать.

Паненка не мог найти гитару, поэтому обратился к одному монтировщику, который устанавливал на сцене акустику. Замерев, тот ошарашенно разглядывал футболиста. Видимо, не мог поверить в то, что перед ним действительно стоит великий мастер кожаного мяча собственной персоной. Может быть, он бы опомнился, решил бы, что это какой-то обман зрения, и впотьмах он не столько видит, сколько

домысливает, но в итоге несчастливая случайность помогла раскрыть правду.

Вышеупомянутый монтировщик как раз разматывал кабель, и когда Паненка во второй раз заговорил с ним, катушка от неожиданности выпала у него из рук и подкатилась прямо к нашему гитаристу. Тот и думать забыл про гитару и по привычке принял катушку, которая величиной напоминала футбольный мяч, подъемом стопы, пару раз перебросил ее с ноги на ногу, подбросил щечкой, потом перекатил через ахилл и дал ей упасть на пол.

Эта инстинктивная реакция, которая навеки въелась в мозг футболиста, выдала его с головой, и он не успел даже опомниться, как монтировщик от удивления вскрикнул:

– Паненка!

Все вокруг обратили свои взгляды на бывшего героя футбольного газона, который теперь стыдливо прятал свои огромные усы.

– Пан Паненка, я и не знал, что вы тоже играете рок, – оправдывался монтировщик.

– Ну, это просто небольшой джем с друзьями, – ответил осторожно футболист. – А теперь, товарищ, мне бы гитару.

Монтировщик принес гитару из-за кулис и с трепетом подал ее Паненке, не отрывая от него взгляда. Во всем этом было одно преимущество: остальные участники группы могли тем временем замаскироваться. В конце концов, мы собрали инструменты, и звукорежиссер проверил звук. Мне слегка показалось, что он схалтурил, особенно с духовыми, о чем мне не преминул сообщить Словачек. Но мы были не в той ситуации, когда можно жаловаться.

Примерно без десяти восемь двери в зал открылись, и туда начали просачиваться первые слушатели. Сначала они направляли свои шаги в сторону пивного крана, а потом собирались в кучки по всему залу и громко болтали со стаканчиками в руках. Большинство из них были одеты в кожаные косухи, рваные джинсы и футболки с черепами – как было принято одеваться в низовой культуре металлистов. Их заросшие щетиной лица и невытые волосы добавляли их облику асоциальности, и я испугался, действительно ли это подходящая аудитория для Funky Leninz.

Фанаты металла и хард-рока были известны своею требовательностью, но одновременно – и справедливостью: обычно они не ставили крест на группе сразу же после первых тактов, давая ей доиграть хотя бы одну песню. Крепкое ядро этого клуба, так сказать, его костяк, составляли также прилично одетые девушки и комсомольцы в рубашках.

Участников группы «Танго» мы встретили за кулисами. Они сидели в

раздевалке, через которую мы как раз проходили, и праздно попивали пиво. Их певец посмотрел на Штроугала в советском мундире и каске и начал громко смеяться.

– Так, старые пердуны, главное не натворите ничего с инструментами, – сказал волосатый паренек, сидевший с ним рядом.

Третий уже в дверях отвесил нам замечание:

– Без паники! Мы, если что, вызовем скорую, – и на это его сотоварищи ответили еще одним залпом хохота.

Наверное, дело было в этих невежливых замечаниях, но в любом случае Funky Leninz ворвались на сцену, как расвирепевшие львы. Они подбежали к инструментам и быстро заняли свои места. Лайош отсчитал ритм, и группа начала играть «Мне все нипочем». Я не знаю, сколько людей тогда было в зале, но точно не больше тридцати человек. Они стояли, прислонившись к батареям, потягивали пиво или болтали.

Разогрев – это то, что просто нужно пережить. Но у Funky Leninz было немного другое мнение, и их натиск был бескомпромиссным и смертоубийственным. Я стоял за кулисами и смотрел на сцену через щель в двери и сквозь спину барабанщика. Даже вдалеке от динамиков я чувствовал, насколько громко они играют.

Вступление. Паненка выдал лаконичный и предельно напористый рифф, Дворжак держал ритм, духовые бурлили, как водопад, а Лайош... Лайош своей барабанной партией преодолевал земное притяжение. Он был двигателем группы или, скорее, ее машинистом и кочегаром, который подбрасывал топлива в котел этого гигантского фанковского паровоза. Его палочки мелькали так быстро, что казались большим размытым пятном.

А Штроугал... Штроугал? Где он вообще? Я выискивал его глазами на сцене, но напрасно. Я был уверен, что он вышел вместе с группой, но вдруг он куда-то пропал.

Leninz доиграли вступление, а потом, к моему удивлению, начали играть его снова. Это была не ошибка, а часть плана, который назывался «В ожидании Штроугала». Музыка теперь звучала, казалось, еще интенсивнее и громче, словно музыканты переключились на пятую скорость; несколько девушек заткнули уши, остальные присутствующие, не веря своим глазам, смотрели на то, что происходит на сцене. Это было не «Танго», это была не какая-то жалкая группа на разогреве. Это было что-то такое, чего они никогда раньше не слышали.

А потом я заметил Штроугала. Он продирался через кучку зрителей, спешил на сцену, и я понял, что произошло. Мне не хотелось этому верить, но за всем этим стоял именно он. Он сам подошел к микшерному пульту, и прежде чем паренек в свитере успел что-либо ему возразить, он подвинул регулятор громкости на максимум. Издалека кивнув группе, чтобы та начала играть, он направился к микрофону.

Прямо перед сценой он оттолкнулся от пола и двумя ногами запрыгнул наверх. Схватив микрофон, он начал петь. Спустя много лет эта картина все еще стоит у меня перед глазами. Позднее я объяснял себе эту сцену символически, как появление Штроугала из народа. Из низших ступеней человеческого общества, где воняет потом и где люди запивают свою боль пивом. Соль нации, из которой поднимается революция и устремляется к наивысшим целям.

Но теперь я вижу в этом еще и символическую инаугурацию группы. Штроугал представил ее людям, словно бы говоря:

– Мы другие. Мы не играем на нормальной громкости. Мы Funky Leninz!

И если до сих пор на сцене главным был Лайош, то теперь бразды правления перешли именно к Штроугалу. Его военный костюм обрел особое значение: на сцене словно была объявлена война апатии, и возглавил ее именно он. Я быстро пробежал через раздевалку, спустился вниз по ступенькам и встал рядом с электроцитком. По-видимому, звукорежиссер немного уменьшил громкость, но все равно било по ушам.

Я приветствовал его решение, потому как Штроугал в припеве «Мне все нипочем» своим голосом абсолютно точно уничтожил бы все динамики, которые были в клубе, на высоких и средних частотах. Он кричал с невероятным напряжением, визжал и вопил так, что лицо его пошло красными пятнами, а в следующем пассаже нежно убаюкивал. По сравнению с репетициями его выступление достигло невероятного градуса. Для того, чтобы выступить на пределе своих возможностей, ему нужна была публика, и здесь, наконец-то, она была.

Мне на минуту показалось, что поет сам Джеймс Браун.²⁰ От этого безбожного рычания мороз пробежал по коже. Не знаю, успел ли он так его отрепетировать или просто знал, что нужно для этой песни. Когда «Мне все нипочем» закончилась, Штроугал повернулся к микрофону спиной и яростными жестами стал показывать Лайошу, чтобы тот сразу же начал играть следующую композицию.

Это была «Сделай так», ремейк песни Move On Up Кертиса Мэйфилда.²¹ В чешском тексте с восторгом говорилось о тотальном ядерном разоружении, но при этом на сцене поднялся вихрь, как при ядерном взрыве. Штроугал неистово вращался вокруг своей оси, потом продемонстрировал свой суфийский танец, наконец повис на стойке микрофона, покачнулся в сторону и начал бешено топтать ногами в такт.

В нем сидел какой-то хищный зверь, и музыка, доносящаяся сзади, побуждала делать его нечто невероятное. И парочку зрителей зацепило. Они начали покачиваться

---

²⁰ Джеймс Браун (1933–2006) – американский исполнитель, признанный одним из величайших музыкантов эпохи рок-н-ролла. Исполнял музыку в стиле госпел, ритм-энд-блюз, фанк.

²¹ Кертис Мэйфилд (1942–1999) – музыкант, исполнитель, идеолог афроамериканской музыки, автор песни Move On Up (1970), ставшей классикой жанра соул.

в ритме фанка, пока что очень неумело и несмело, но по ним было видно, что они чувствуют музыку. Странно, среди них были, главным образом, хайратые парни в кожаных куртках.

Зато несколько юношей в комсомольских рубашках и галстуках отошли в сторону и смотрели на сцену с явно выраженным возмущением. Хмурясь, они показывали на Штроугала, и я даже расслышал, как двое неподалеку от меня кричали друг другу, что певец выступает с излишним аффектом. Я подумал, что это именно те люди в партийных ячейках, которых нужно будет разбудить.

Потом Leninz круто сбацали песню «Будь рад», ремейк композиции Flash Light группы Parliament,²² который мы репетировали в немного сокращенной версии, потому что Паненке не давались некоторые риффы. Собственно, он даже сокращенную версию ни разу не отыграл верно и каждый раз проклинал себя.

Когда после репетиции все разошлись по домам, он обычно оставался в кабинете и без конца долбил сложные пассажи. Он словно разучивал прямой удар или дриблинг – его не устраивало ничего, кроме абсолютного совершенства.

И его упрямство принесло плоды: в тот вечер он сыграл все пассажи «Будь рад» на отлично, и едва композиция завершилась, я почти заметил под шлемом космонавта его широкую улыбку, а Штроугал, направляясь к микрофону после завершающей фразы, похлопал его по плечу. Четыре композиции были отыграны, и выделенное нам время подходило к концу.

Предпоследней сыграли «А я в это верю», песню с максимальным хитовым потенциалом, и она, действительно, покорила оставшиеся сердца. По лицу Штроугала из-под его огромных очков струился пот. В форме ему должно было быть ужасно жарко, но без нее это был бы уже другой человек. Силы его не покидали, и он дико скакал по сцене, едва успевая разминуться с неустанно марширующим Паненкой.

Во время одного из его мудреных мультисоло я заметил в первом ряду Доброго из музыкального издательства Panton. Его глаза были вытаращены, и он извивался, словно в трансе. Прежде я подошел бы к нему поздороваться, но сейчас он выглядел, словно умалишенный, словно обитал в каком-то ином измерении. Такими мощными в тот вечер были Funky Leninz. Никто не мог им воспротивиться.

На последней композиции я вернулся за кулисы. Вдруг откуда ни возьмись там оказалась и Руженка. Она улыбалась во весь рот и пыталась мне что-то сказать, но в этом шуме я не мог разобрать ни слова. В конце концов, она сдалась и просто подняла большой палец вверх. Сев на ящик для барабанов, мы наслаждались нежным вступлением к «Ступай со мной», ремейку песни Ride On группы Parliament.

---

²² Parliament – музыкальная группа Джорджа Клинтона, существовавшая в 1968–80 годах и исполнявшая песни в стиле фанк и фанк-рок. Среди ее хитов – упомянутые в романе песни Flash Light (1978) и Ride On (1975).

Я был тронут до глубины души, и слезы наворачивались на глаза, но мне не хотелось плакать перед Руженкой, потому что мужчина не должен показывать свои эмоции. За все, что мне пришлось пережить с самого начала, я был вознагражден этим прекрасным ощущением триумфа. Дребезжащие гитары, пульсирующая бас-гитара, ударная установка и голос Штроугала – все это приглушенно доносилось до меня со сцены и в ту минуту казалось мне биением моего собственного сердца.

Музыка наполняла мою душу, и тут вдруг произошло нечто неожиданное. Наверное, к этому располагала сама атмосфера, потому что мои руки сами, инстинктивно совершили нечто наименее вероятное – протянулись к Руженке и взяли ее руки. Ее нежные ладони легли в мои ладони, и я заглянул в ее глубокие глаза. Она не отдернула рук, напротив, сама сжала мои ладони, и мы, соединенные таким образом, слушали музыку вместе.

Мне даже не нужно было быть в зале, чтобы понять, что Funky Leninz в последней песне просто-напросто разрубят этот ковчег металлический пополам. Они оторвутся вместе с деревянной сценой от земли и поднимутся в космос. Что ни на одном из слушателей ни одного сухого места не останется, и что у них и на следующий день будет звенеть в ушах, но при этом им будет хорошо, потому что в этом звоне они услышат последние такты нашей последней песни.

А еще я знал, что в тот вечер «Танго» уже выступать не будет. Гордые рок-увальни на третьей песне пришли в зал посмотреть и решили, что лучше им будет потихоньку исчезнуть. В тот вечер они уже никому не были бы интересны, потому что Funky Leninz сами добились невиданной кульминации, экстаза, после которого больше ни для чего уже не оставалось места.

Финальная композиция длилась минут двадцать. Это было какое-то колдовство, время словно остановилось, что мне в тот волшебный момент, когда моя душа соединилась с душой Руженки, совсем не мешало. Я слышал, как Паненка и Дворжак с головой ушли в безумный психоделический джем, который нашел могучую поддержку у Лайоша, выстукивающего переплетенные ритмы, и просто-напросто не могли остановиться.

Но в конце концов, их настигла усталость. Первым, на удивление, отвалился Лайош: он начал терять ритм, пропускать удары и вдруг совсем перестал играть. Без своего барабанщика Funky Leninz не могли долго удержаться на плаву. Через минуту Паненка дал маху и уже не смог вернуться к груву, так что просто оставил гитару фонить. Потом и Герендаш капитулировал, и из инструментов только бас-гитара, постепенно задыхаясь, еще продолжала звучать в зале.

Только Штроугал не хотел сдаваться и из последних сил повторял свои стихи:

«Ступай со мной... Ступай со мной». Но голос ему тоже изменил, в конце уже вырывались только хрипы, так что и он закончил свое выступление. Мы с Руженкой, все еще держась за руки, тут же выбежали на сцену. Музыканты кто опирался о динамики, кто медленно волочил к нам ноги.

Аплодисменты? Их не было, потому что не только музыканты отдали все свои силы, но и публика выжала из себя все и теперь только недоуменно таращила глаза.

Когда мы потом собрались за кулисами, было заметно, какие они ужасно уставшие, но счастливые. Дворжак и Паненка похлопывали друг друга по плечу, Лайош благодарил меня и обнимал, словно это именно я со всем справился. Герендаш даже вытащил откуда-то сигару и вместе с Паненкой тут же принялся ее курить, так что помещение наполнилось едким дымом.

Только Штроугал оставался абсолютно спокойным. Он пришел в раздевалку последним. Все, как по команде, замолчали, потому как знали, что он хочет что-то сказать.

– Спасибо всем. Было потрясающе, – только и сообщил он, а потом снял верхнюю часть мундира. Внизу у него была надета рубашка, из кармана которой он достал зеркальце и гребешок, и начал поправлять прическу.

Это был уже не дикий зверь, из-за которого зрители ревели белугой. Перед нами сидел спокойный и невозмутимый мужчина, который был для нас словно чужим. Он не присоединился ко всеобщему веселью и только спросил меня, когда будет следующая репетиция, потом взял пиджак, попрощался и ушел. Я должен добавить, что оставшаяся часть группы (кроме Словачека, который ушел сразу же за Штроугалом) праздновала до утра в одном кабачке.

А я? Я пошел провожать Руженку в другой район города, где она жила с родителями. Всю дорогу мы держались за руки, но ни один из нас не проронил ни слова. В этом не было необходимости: в тот вечер мы пережили нечто волшебное, что слова могли только испортить. Когда я засыпал в ту ночь, я все еще чувствовал прикосновение ее рук. А перед глазами у меня шел чудесный концерт Funky Leninz.